

Старый друг уже не тот, что прежде (часть 19)

Те слова произнёс Ли Ань.

Едва услышав их, Лу Янь без малейших колебаний принялся источать собственную божественную эссенцию. Прежде чем приступить, он спросил лекаря: если помогает эссенция крови, не будет ли кровь из самого сердца ещё эффективнее?

Будучи практиком, Лу Янь прекрасно осознавал, в каких частях его тела духовная энергия достигает наивысшей концентрации.

Ли Ань ответил, что сердечная кровь, несомненно, сильнее, но действовать нужно постепенно. Если отдать её сейчас, Проклятие, пожирающее кости, начнёт расти слишком стремительно, и в конце концов не останется ничего, чем можно было бы его подавить.

Говоря это, он бросил на Чао Цы взгляд, исполненный невыразимой горечи.

Какую бы ненависть он ни питал к императору, как бы ни желал, чтобы тот сполна вкусил плоды собственных злодеяний, в вопросах, касавшихся жизни друга, Ли Ань не стал бы лгать.

Вот только... хотел ли сам Чао Цы жить?

Лекарь не знал ответа, но он, как и Лу Янь, отчаянно цеплялся за призрачную надежду.

В глубине души они оба понимали: сейчас им под силу лишь на краткий миг отсрочить неизбежное. Рано или поздно наступит день, когда никакой жизненной силы не хватит, чтобы сдержать натиск скверны.

Это могло случиться через несколько лет, а могло — уже через пару месяцев.

Но ни один из них не осмеливался заглядывать в будущее. Они обманывали самих себя, радуясь каждому прожитому дню.

Помимо божественной эссенции Лу Яня, огромным запасом жизненной силы обладали многие редкие сокровища. По приказу императора их уже давно начали свозить на Девять небес.

Он собственноручно готовил из них целебные отвары, смешивал их со своей золотой эссенцией и по капле вливал в иссохшие губы Чао Цы.

Казалось, это действительно помогало: на бледных щеках юноши проступил едва заметный румянец, и сам он стал выглядеть гораздо лучше.

Более того, спустя некоторое время ресницы Чао Цы дрогнули. Казалось, он вот-вот придёт в себя.

Лу Яня захлестнула волна исступлённого восторга. Глядя на пребывающего в забытии возлюбленного все эти дни, он уже начал верить, что тот погрузился в вечный сон.

Но вслед за радостью пришёл малодушный страх.

Чао Цы медленно открыл глаза.

Ему потребовалось немало времени, чтобы осознать реальность. С видимым трудом он шевельнул губами, и его тихий, отрешённый голос прозвучал в тишине палаты:

— Я всё ещё жив?

Сердце Лу Яня болезненно сжалось.

Юноша попытался пошевелиться, желая сесть. Император тут же бросился к нему и, бережно поддерживая, помог опереться на спинку кровати.

Приняв сидячее положение, Чао Цы замолчал. Он бессмысленно смотрел перед собой, и взгляд его не находил опоры в пространстве.

Пока он молчал, мужчина тоже не смел нарушить тишину.

«Его душу переполняли раскаяние и мольбы о прощении, но имело ли это хоть какой-то смысл сейчас?»

Чао Цы явно не желал слушать его пустые и жалкие оправдания. И хотя он понимал, что не должен был дожидаться до этого часа, и что жизнь в нём поддерживает лишь непомерная воля императора, он ни о чём не спрашивал.

«Сожаления Лу Яня в этот миг вызывали лишь отвращение»

Спустя долгое время юноша внезапно спросил:

— Ли Ань здесь?

Лу Янь кивнул.

— Пусть он придёт ко мне.

Император послал за лекарем. Услышав, что Чао Цы очнулся, тот поспешил во дворец.

Стоило Ли Аню войти, как Чао Цы сухо бросил Лу Яню:

— Выйди.

Не сказав ни слова, тот развернулся и покинул покои.

Проводив его взглядом, Чао Цы повернулся к собеседнику. Ли Ань не скрывал радости — пробуждение друга стало для него истинным подарком.

Но в лице Чао Цы не было и тени облегчения. Глядя на лекаря, он спросил:

— Сколько мне осталось?

Ли Ань замер, и улыбка мгновенно сползла с его лица. Помолчав, он тихо ответил:

— Я не знаю.

Чао Цы должен был умереть давным-давно. То, что в нём до сих пор теплится жизнь — заслуга лишь Лу Яня, насильно удерживающего его душу... Ли Ань не знал, на что ещё готов пойти император ради этого.

— Тебе не следовало приходить, — нахмурившись, произнёс Чао Цы. — Лу Янь безумен. Когда я умру, он может выместить свой гнев на тебе.

Сердце собеседника сжалось. В словах друга он отчётливо слышал жажду смерти.

— Ты ведь знал, что тебе нельзя сражаться. Почему ты пошёл на верную смерть ради того мальчишки? — спросил Ли Ань.

— Просто... так было нужно, — отозвался Чао Цы.

«В тот миг, когда он узнал в Лу Яне перерождение Лу Цзэи, он не мог поступить иначе. Как он мог остаться в стороне?»

Конечно, знай он заранее, каким ничтожеством окажется Лу Янь, он бы и пальцем не пошевелил. Но дело было сделано, и Чао Цы не хотел тратить последние силы на бесплодные сожаления. Сейчас он молил лишь о покое.

— Я почти закончил разработку нового противоядия, — Ли Ань зажмурился, пытаясь скрыть боль в глазах.

Увы, он опоздал всего на шаг. Теперь проклятие полностью пропитало душу Чао Цы, достигнув стадии «сосуществования». Спасенья больше не было.

— Видно, такова моя судьба, — Чао Цы слабо улыбнулся.

Мысль о смерти не вызвала в нём горечи.

— Возможно, есть ещё один шанс, — внезапно произнёс Ли Ань. — Лу Янь действительно стал богом. Проклятие нельзя передать обычному человеку, но если сосудом станет истинное божество... возможно, оно согласится покинуть твоё тело.

На самом деле он уже несколько дней изучал эту возможность. Ему казалось, что это вполне осуществимо, и он даже начал готовить необходимые магические катализаторы. Лишь отсутствие полной уверенности удерживало его от того, чтобы рассказать обо всём императору.

— Лу Янь — неблагодарный подлец, — сказал Чао Цы. — Но в то же время он — бог. Сотни лет назад Небесный Дао сохранил искру души Цзэи, взрастил её и позволил ей переродиться в теле Лу Яня, открыв перед ним Край Небес. Теперь, когда путь к вознесению вновь свободен, на плечах Лу Яня лежит тяжкое бремя, возложенное самим Дао.

Если Лу Янь погибнет, мир может погрузиться в хаос.

Ли Ань понимал, к чему клонит Чао Цы, но не желал с этим мириться. Его лицо стало холодным.

— Мне плевать на мир.

Чао Цы тихо вздохнул.

Лекарь всегда был таким. В его сердце не было места вселенскому милосердию, он заботился лишь о тех, кто был ему дорог. Теперь, когда почти все их близкие ушли, он защищал только Чао Цы.

— Но я сам не хочу больше жить, — прошептал юноша.

Ли Ань посмотрел на него, чувствуя, как внутри всё леденеет.

— Не грусти так сильно, — на губах Чао Цы заиграла слабая улыбка. — Все люди смертны. Не цепляйся за нас, ушедших. Смотри вперед.

Да, все смертны.

Но...

— Если бы не этот мелкий выродок, ты бы не оказался в таком положении! — глаза Ли Аня налились кровью от жгучей, застарелой ненависти.

Он знал: Чао Цы не жалуется, но его душа истерзана до предела. Иначе почему бы он так страстно желал конца?

— Не говори ему ничего, хорошо?

— ... — собеседник стиснул зубы, не желая соглашаться.

— Прошу тебя, второй брат.

Ли Ань сжал кулаки.

Когда-то давно, в пору их юношеской бравады, они считали себя непобедимыми. Сойдясь вместе, они назвали друг друга братьями в соответствии с возрастом. Ли Ань был вторым, Чао Цы — пятым, а Лу Цзэи — третьим.

Чао Цы давно не называл его так. С тех пор как из шестерых в живых остались только они двое.

— Хорошо, — с трудом выдавил лекарь.

Когда Ли Ань ушёл, Лу Янь вернулся в покои, но обнаружил, что Чао Цы снова погрузился в глубокий сон.

С тех пор юноша то приходил в себя, то снова забывался, и периоды забывтья длились гораздо дольше мгновений ясности. Лишь раз в несколько дней ему удавалось пробудиться в сознании час-другой. Приходя в себя, он почти не разговаривал, подолгу глядя в пустоту отсутствующим взором.

Однажды Лу Янь, как обычно, принёс чашу с лекарством. Но Чао Цы не стал пить. Подняв глаза на императора, он тихо произнёс:

— Хватит.

— Не тащи меня за собой, Лу Янь. Отпусти.

Для него эта череда пробуждений и провалов в темноту была лишь затянувшейся пыткой. Он жаждал лишь одного — окончательного покоя.

Мужчина смотрел на него взглядом, полным невыносимого горя и отчаяния. Не ответив ни слова, он лишь поднёс ложку к губам Чао Цы.

И Чао Цы подчинился.

Когда чаша опустела, Лу Янь поставил её на стол. Глядя ему в спину, юноша сказал:

— Ты думаешь, что раскаялся, но даже сейчас ты продолжаешь силой принуждать меня к тому, чего я не хочу.

Лу Янь замер как вкопанный. Он обернулся, его губы дрожали, но слова застряли в горле.

Вскоре Чао Цы снова забылся тяжелым сном.

Только тогда император осмелился подойти. Он осыпал поцелуями лицо юноши, бесконечно шепча слова извинения. Он смел произносить их только сейчас, когда Чао Цы не мог его слышать.

Всё это было слишком нелепо. То, в каком состоянии находился Чао Цы — дело его рук. И даже сейчас он продолжал мучить его, заставляя жить вопреки воле.

«Прости меня, прости... Даже если так, я всё равно хочу, чтобы ты жил»

Спустя месяц после того, как Чао Цы впервые пришёл в себя, его прежнее спокойствие исчезло. Теперь каждый день превратился для него в сплошную агонию.

Проклятие, пожирающее кости, начало заживо съедать его плоть.

Впервые это случилось глубокой ночью. Лу Янь, которому не требовался сон, каждую ночь сидел у его постели, неотрывно глядя на любимое лицо. Тихину зала внезапно нарушил сдавленный, полный боли стон.

Чао Цы очнулся от нестерпимой муки. Болело всё: не было ни единого дюйма на его теле, который бы не пылал огнём. Каждая частица его плоти, каждая кость словно попала в зубы невидимого чудовища.

<http://bllate.org/book/15361/1417352>